

«**Великая ложь нашего времени**» - книга, собранная из произведений К.П.Победоносцева (1827 – 1907), консерватора, обер-прокурора Синода, носившего прозвище русского Торквемады, хотя современники отмечали его выдающийся ум и многим «становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы»¹. Возникновению острой неприязни к этой фигуре способствовала и поэма А.Блока «Возмездие», сложившаяся к 1911 г., через 4 года после смерти Победоносцева:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только - тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, -
И затуманилась она...
Колдун одной рукой кадил,
И стружкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но -
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

Его биография (поповский внук, сын профессора словесности Московского университета, окончивший училище правоведения) знаменательна для «полудворянской, получиновничьей» России. В письме к Николаю II он писал: «По природе нисколько не честолюбивый, я ничего не искал, никуда не просился, довольный тем, что у меня было, и своей работой, преданный умственным интересам, не искал никакой карьеры и всю жизнь не просился ни на какое место...» (с. 624 – 625), достигнув при этом высокого положения и в Сенате и в Синоде. Это был практик-правовед, внутренне, интеллектуально ориентированный на проблемное теоретизирование, на поиск сравнений и соответствий мироустановлений. Победоносцев, как его ни оценивать, заинтересованно и профессионально откликался на запросы своего времени. Обер-прокурор Синода, он писал работы на светские темы, бывшие предметом обсуждения в России не только в демократических и либеральных кругах, что чаще всего не учитывается при анализе этого времени.

---

¹ Цит. по: Ланицков А. Предотвратить ли думую грядущее? // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. С. 9. Ссылки на эту книгу, в которую вошли разные статьи, помимо собственно «Великой лжи нашего времени», в скобках в тексте.

Утвердившиеся со времени французской революции идеи свободы, равенства и народовластия, «откуда истекает теория парламентаризма», он называл «одними из самых лживых политических начал» (с. 31).

Статья «Великая ложь нашего времени», открывающая сборник, была опубликована в 1884 г. в еженедельнике «Гражданин», который за 10 лет до того редактировал Ф.М.Достоевский и который изначально позиционировал себя как «орган русских людей, стоящих вне всякой партии». К 1884 г. – в условиях сближения славянофилов и консерваторов – еженедельник изменил свои приоритеты: помимо вопросов либерализации и модернизации русского общества, в нем появилась критика и либерализации и модернизации, подрывавших, по словам Победоносцева основы стабильности цивилизации и вызвавших тяжелые последствия для личности, общества и российского государства. Платформа еженедельника все более становилась на охранительные позиции, что произошло в полной мере во время редакторства В.П.Мещерского². Однако в еженедельнике, т.е. популярном журнале, высказывались идеи, волновавшие людей того времени: прежде всего, проблемы демократии и парламентаризма. Победоносцев писал письма и Герцену (см. «Голоса из России») с резкой критикой николаевских полицейских порядков и в целом министерства юстиции. Этот охранитель самодержавия именно в силу глубокой внутренней заинтересованности вынужден был заняться проблемами существования власти потому, что в обществе обсуждались идеи ограничения этой власти, принятия конституции и образования органа народного представительства, установления чего он не хотел допустить, считая это недопустимым, хотя и изучая историю европейских институтов. Победоносцев не отвергает саму теорию парламентаризма. Он исследует возможности применения этой идеи в России, при этом жестко различая теорию и практику. Практическое применение парламентаризма, теоретически возможное, не имеет, по его аргументации, смысла, ибо «историческое развитие общества приводит к тому, что местные союзы умножаются и усложняются, отдельные племена сливаются в целый народ или группируются в разноречивые под одним государственным знаменем, наконец, разрастается без конца государственная территория: непосредственное народоправление при таких условиях невыносимо» (с. 32). В данном случае, имея в виду, конечно, Российскую империю, он почти повторил Гегеля. Тот писал: «Для этого духа и для этого государства (имелся в виду греческий полис. – С.Н.) был пригоден лишь демократический строй... именно в Греции существует свобода индивидуума, но она еще не дошла до той свободы абстракции, согласно которой субъект зависит просто от субстанциального, от государства как такового <...> Главным моментом демократии является нравственный образ мыслей <...> Закон существует по своему содержанию как закон свободы и как разумный закон, и он имеет силу, потому что он есть закон в своей непосредственности <...> В современных представлениях о демократии нет этой правомерности: интересы общества, общественные дела должны обсуждаться и решаться народом; отдельные лица должны совещаться, выражать свое мнение, голосовать на том основании, что государственный интерес и общественные дела

² См. подробнее: *Отливанчик А.В.* Формирование идейного направления журнала «Гражданин» (период редакторства Г.К.Градовского и Ф.М.Достоевского) // *Вестник БДУ.* Сер. 4. 2009. № 3. С. 103 – 107.

являются их интересом и их делами. Все это совершенно верно; но существенное различие заключается в том, *кто* такие эти отдельные лица. Они абсолютно правоспособны лишь, поскольку их воля еще является *объективной* волей, не стремится к тому или иному, не является всего лишь *доброй* волей. Ведь добрая воля есть нечто личное, она основана на моральности индивидуумов, вытекает из их убеждения и из их внутреннего мира. Именно субъективная свобода, составляющая принцип и особую форму свободы, свойственную нашему времени, абсолютную основу нашего государства и нашей религиозной жизни, могла оказаться лишь *гибельной* для Греции"³.

Победоносцев, который проанализировал основные понятия демократии: выборы, свободу, право и равенство, понятия, во многом объясняющие и интенции февральской революции 1917 г., задачи которой возникли не как «бог из машины», а в результате довольно длительного всестороннего обсуждения, писал в статье «Новая демократия», вошедшей в книгу «Великая ложь нашего времени»: «Новейшая демократия ставит ближайшей себе целью всеобщую подачу голосов – вот роковое заблуждение, одно из самых поразительных в истории человечества. Политическая власть, которой так страстно добивается демократия (это пишет человек, заклеянный именем мракобеса. – С.Н.) раздробляется в этой форме на множество частиц, и достоинством каждого гражданина (не подданного, Победоносцев употребляет именно это слово - гражданин. См., например, с. 184. – С.Н.) становится *бесконечно малая* доля этого права... в результате несомненно оказывается, что в достижении этой цели демократия оболживила свою священную (sic! – С.Н.) формулу *свободы*, нераздельно соединенной с *равенством*. Оказывается, что с этим, по-видимому, уравновешенным распределением *свободы* между всеми и каждым соединяется полнейшее нарушение равенства, или сущее *неравенство*. Каждый голос, представляя собой ничтожный фрагмент силы, сам по себе ничего не значит: относительное значение может иметь только некоторое число, или группа голосов» (с. 60).

Победоносцев ставит, таким образом, диагноз прошлому, используя примеры европейских стран. «Истинное определение парламента», по Победоносцеву, таково: «Парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей» (с. 34). Объясняет он сложившееся положение дел прошлыми пороками общества – прошлое для него в принципе является корнем объяснения. Это скажется и на его понимании истории как таковой. Это объяснение является критикой западных способов правления. Он понимает разницу между принципами западных монархий и российской, ибо его анализ *вообще не касается российской власти*. Критика же западной вполне адекватна. «Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, - люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления» (с. 35).

Победоносцев саму форму власти выводит из социальности, которую рассматривает как некую однородную силу, поставляющую способ правления. Это

³ Гегель. Философия истории. М.; Л., 1925. С. 236 – 238.

выдает в нем не гражданина (постоянно им употребляемый термин), но подданного Российской империи, долгое время не знавшей (несмотря на множество попыток внедрить это) сословного деления и умения сословий отстаивать свои права. Именно потому он при смене формы власти не обнаружил изменения ее внутреннего содержания – только смену имени. Об отсутствии крепостного права в XIX в. в любом государстве Западной Европы и речи нет, как нет речи и о постоянном искусстве представительным правлением. «Что же вышло в результате? Вышло то, что *mutate nomine* (при изменении имени. – С.Н.) все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей натуры, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности». А эту характеристику, ясно, стоило бы перенести на российское общество, и она свидетельствует о ментальной пропасти между европейскими странами и Россией и о будущих решениях изучения истории: большевик М.Н.Покровский, полагая, что любую общественную формацию можно изучать на примере любой страны, действовал в духе консерватизма и апологетики российского самодержавия Победоносцева.

Вторым признаком выведенного таким образом парламентаризма и того, что называется «народным представителем», является популизм и маскарадность, позволяющие использовать демократические институты (например, комитеты, акционерные общества) для авторитарных целей, превращая политические свободы в фикцию; третьим – мы бы сейчас сказали – деятельность СМИ (у него это названо «работой своим языком», *фразой*, зажигающей толпу), четвертым – обладание харизмой («излюбленный человек большинства, а на самом деле <...> излюбленный меньшинства», с. 40). Пятым – перерождение *свободных представителей народа*, призванных к решению государственных вопросов, в *представителей определенного мнения, партии, связанных инструкцией*. К началу XXI в. эти наблюдения, сделанные в конце века XIX-го, весьма своевременны.

Что делает Победоносцев для российского общества? Он знакомит его (через еженедельную газету, через собственные опусы) с идеями М.Монтеня, Ж.Ж.Руссо, Т.Гоббса, Т. Карлейля и др., с деятельностью парламентских учреждений Франции, Англии, Испании, Америки и Германии, подчеркивая, что «новейшие германские и австрийские конституции все исходят от монархической власти» (с. 58).

Апологет и один из столпов российской самодержавной власти оказывается едва ли не первым ученым, исследующим природу власти, цель которой заключена в «общественном благе» (с. 202), а начало – в старых обычаях, преданиях, учреждениях. Традиция понята «горизонтально» – передача знаний через поколения. При этом прекрасно понимается, что такого рода поколенческая передача может пониматься как «старый хлам, от которого нужно отделаться» («Духовная жизнь», с. 321. См. опубликованные в этом номере «Вох» выступления Т.Б.Любимовой о традиции и контртрадиции). Однако превалировала убежденность, что в основании всего лежит народная религия («каждая верующая душа в отдельности и все вместе», – «Церковь и государство», с. 205), связанная с вечностью и которая является «главным источником» власти и идеалом бытия (там же, с. 216). Этот способ аргументации предполагал авторское участие Бога в творении, Его предвидение, т.е. в основе рассуждений Победоносцева лежала матрица панлогизма гегелевского толка, полагавшего единое

нравственное начало, и образование гражданского общества «под первоначальным семейственным устройством» (там же). В следовании этому правилу Победоносцев отказывал западному обществу, поскольку именно в нем возникла идея «свободной церкви в свободном государстве» (с.225), ставшая для него камнем преткновения. Ибо он считал логически неточным понимание свободы, предполагающее и допускающее пренебрежение верой.

Свобода для него связана с достоинством. «Сознание достоинства воспитывает и свободу в обращении с людьми. Власть должна быть *свободна* в законных своих пределах, ибо при сознании достоинства ей нечего смущаться и тревожиться о том, как она покажется, какое произведет впечатление и какой иметь ей приступ к подступающим людям» (с.190), это свобода подзаконного действия («невзирая на всякие свободы... мы стремимся под власть государства», с. 218). Победоносцев отдает себе отчет в том, что достоинство должно быть нераздельным с сознанием долга. В противном случае «власть может впасть в состояние нравственного помрачения... это уже будет начало *разложения* власти» (с. 190). Соблюдение достоинства властными лицами предполагает «соблюдение... достоинства... подвластных» (с. 191).

Отношения между начальником и подчиненным должны основываться на доверии. Фактически статья «Власть и начальство» является подражанием (по форме, не по содержанию) трактату «*De principibus*» («О принцепсе») Н.Макиавелли. Победоносцев упреждает «добросовестного деятеля» от «привычки к произволу и самовластию» (там же), поскольку таким образом воспитывается равнодушие, называемое «язвой бюрократии» (с.192). Если сама власть производна от бессознательных народных начал, то приведение к исполнению решений зависит от искусства управления, первое из которых – диалектическое, названное Победоносцевым «уменьем найти и выбрать» (там же), почти повторяющее определение Цицерона, данное им диалектике, а второе – «уменьем направлять» и вводить в «должную дисциплину» (там же). Для исполнения власти или «посвящения во власть», по Победоносцеву, необходимы два вида знания: 1) «познай самого себя» и 2) «познай окружающую тебя среду» (с. 200).

Под церковью Победоносцев понимает не только и не столько институцию, сколько тождество дела и веры, которое образует фундамент народной религии с нераскрытым содержанием идеи свободы, под которой в основном понимается свобода законного действия и нечто истинное, «живое, всенародное учреждение», сказывающееся сознательно и бессознательно.

Не до конца раскрытое понятие бессознательного становится едва ли не главным в представлениях Победоносцева об истории. Конечно, ни о какой свободе как историческом факте (Гегель. См. помещенную в этом номере мою статью «Свобода как исторический факт») здесь речи нет. Свобода определяется фактически как содержание человеческой души («Духовная жизнь». С.325), большей частью бессознательное. Это понятие фактически может представлять тот старый хлам, от которого часто, по его словам, пытаются отделаться, поскольку знания о нем нет, но что «не придумано, а создано жизнью, вышло из жизни прошедшей, из истории», которая определяет человеческую жизнь. Если для Гегеля история появляется вместе с самосознанием, то

Победоносцев извлекает ее из недр бессознательного, из которого транслирует дальнейшее ее развитие. Бессознательное так и остается бессознательным. Его нельзя «заменить... сознанием *идеи* вновь введенного учреждения, которое желают привить к народной мысли» (там же. С.322). Сознание доступно только отдельным лицам, а «масса усваивает себе идею только непосредственным чувством, которое воспитывается и утверждается в ней не иначе, как историей, передаваясь из рода в род» (там же). Эта трансляция истории, трансляция знаний может испытывать трансмутирующие влияния, от которых надо избавляться или надеждой на историю, или на воспитание. В этом смысле Победоносцев как раз являет собою пример, который обороняется от наседающих возможностей изменений. «Разрушить предание возможно, - писал он, - но невозможно, по произволу, восстановить его» (там же. С. 322).

Вводится термин «масса» (до О.Э.Мандельштама, Х.Ортеги и Гассета, В.Беньямина), рассматривается вероятностное мышление. Победоносцев пользуется терминами «кредит», «мандат», он едва ли не стал тем, благодаря кому история стала пониматься как прошлое и только как прошлое. Как настоящее (в России таковым был П.Я.Чаадаев) понимают историю, по Победоносцеву, «современные проповедники разума и свободы» (с. 326). Он обращает внимание на парадокс, возникающий при таком понимании свободы. «Нам говорят: сбросьте с себя ярмо закона (удивительно, что это говорит человек в стране, где не слишком чтит закон. – С.Н.), разорвите вековые цепи предания, и будете свободны...» Многоточие после этой фразы – не предполагает никакого пропуска. Победоносцев пожелал обратить внимание на нее, ибо далее он продолжал: «Но какая же то свобода, когда вместе с тем настоящее *status quo* возводится нами в закон и ложится на нас ярмом еще тяжелее прежнего» (с. 326).

Отворачивание от признания свободы как исторического факта, который есть и который недоказуем, является ответом Гегелю. Победоносцев, основывая историю на бессознательном, на чувстве, именно в нем видит логику исторического существования. Само существование бессознательного есть доказательство.

Идея бессознательного заимствована у Карла Густава Каруса (1789 – 1869), написавшего произведение «О душе», которое послужило источником представлений Победоносцева об истории. Он представлял душу как нечто непрестанно преобразующееся, находящееся в постоянном процессе развития, разрушения и нового образования. Сознательной жизни человека, которая разлагается на отдельные моменты времени, доступно лишь смутное представление о прошедшем и будущем, настоящее же от нее ускользает, ибо, едва явившись, уже переходит в прошедшее. «Приведение всех этих моментов к единству, сознание настоящего, т. е. обретение истинного твердого пункта между настоящим и будущим, возможно лишь в области бессознательного, т. е. там, где нет времени, но есть вечность» (с. 330). Этот ход, только с соответствующими доказательствами, прослеживается у Дж. Э. МакТаггарта, родившегося незадолго до окончания жизни Каруса. Но сама эта цитата, как и вся работа о бессознательном («Старые листья») полностью принадлежит священнослужителю Г.М.Дьяченко (1850 – 1903) «Тайная жизнь души». Отрывок из этого произведения помещен внутри текста Победоносцева «Духовная жизнь», изданного в 1896 г. в «Московском сборнике» (современное издание: М.: Русская симфония, 2009). Сама включенность чужого текста в собственный, вообще говоря,

дозволительна: так поступал Ансельм Кентерберийский, включивший в «Прослогион» письмо Гаунилона из Мармутье, так делал Декарт. Но они называли имена оппонентов. Здесь имя не названо, и не оно одно: многие цитаты из «Великой лжи» без указания первоисточника также заимствованы – на этот раз из сочинения еврейского писателя и общественного деятеля Макса Нордау (Макса-Шимона Зюдфельда, 1849 - 1923) "Условная ложь культурного человечества" (1883 г.). Ю.С. Степанов писал о Победоносцеве, что он, «человек весьма начитанный и ученый, владеющий основными европейскими языками... без труда комбинировал фрагменты сочинений Д. С. Милля, Т. Карлейля, Ф. Шопенгауэра, М. Нордау и других мыслителей так, что в итоге, получалось последовательное изложение его собственных суждений» («Некоторые историографические суждения о К.П.Победоносцеве» - http://krotov.info/library/18_s/te/panov_01.htm). Жаль, что этого не отметил и не объяснил издатель «Великой лжи» 1993 г., ибо современный читатель без знания контекстов прежних возможностей и назначений издания легко может счесть такое заимствование плагиатом.

Скомпилировав мнение Г.Дьяченко о Карусе, Победоносцев представил основание истории как «неизвестное», которое есть «самое драгоценное достояние человека». При этом он – следуя Дьяченко - сослался на Платона, который «недаром учил... что все в здешнем мире есть слабый образ верховного домостроительства» (с. 328). Память – это сознательное, именно ей, иногда внезапно, открывается бессознательное. Связь с Платоном не случайна: у Победоносцева, как и у Платона в диалоге «Парменид», слово «вдруг» часто приобретает характер термина (см. Глоссарий ж. «Vox»). Это не просто неожиданность или начало изменения, а место самого начала, канун бытия. Победоносцев повторяет за Дьяченко: «Представления о лицах, предметах, местностях и пр., даже иные особенные чувства и ощущения, иногда в течение долгого времени кажутся совсем исчезнувшими, как вдруг просыпаются и возникают снова со всей живостью, и тем доказывают, что в действительности не были они утрачены» (с. 331). Не случайно А.Ф.Лосев, возводя «вдруг» в статус понятия, полагает, что оно параллельно понятию "теперь"⁴, хотя, очевидно, что «теперь» внешне не таит в себе взрывной характеристики. Лосев основывает тождество этих слов на том, что «"вдруг" есть точка, из которой происходит изменение в одну и в другую сторону, это граница между покоем и движением, так же как "теперь" - граница между бытием и становлением». Именно о такой границе говорит Победоносцев: «Деятельность духа оживилась в мере превышающей всякое описание; мысли стали возникать за мыслями с такой быстротой, которую не только описать, но и постигнуть не может никто, если сам не испытал подобного состояния» (с.333).

Однако термин «вдруг» у Победоносцева в отличие от Платона не просто предполагает открытие простора для вещей или вещи, которая всегда *сама и одна, целое*. Это целое растет из прошлого. Прошлое – почка целого. «Мы со всей полнотой этой силы проснемся в ином мире, *принуждены* будем созерцать нашу прошедшую жизнь во всей полноте ее... ни единая мысль о будущем не заглянула в мою душу, я был погружен весь в прошедшее» (с. 334 – 335. У Победоносцева это трансдуктивная

⁴ См.: Платон. Соч.: В 3-х т. Т.2. М., 1970. С.601.

возможность переименования бытия: если единое есть, оно уже предполагает *другое*, в *другом* обнаруживая себя и выстраивая с ним отношение как возможную противоположность себе же как возможное неединство. Но Победоносцев как настоящий архаист видит в истории линию производства того же самого, не другого, что, на его взгляд, свидетельствует не столько о существовании общего, сколько о существовании одного и того же. Это позволяет ему, архаисту, обнаружить себя как предшественника постмодернизма, выразившись в повторе, в симулякре, выраженном в копировании и компиляции произведений. Победоносцев оказывается в гуще идей своего времени, и, несмотря на убежденность, что корни истории находятся в прошлом, сам он оказывается в настоящем и в будущем. Трудно ему в этом отказать, поскольку он в конце XIX в. обнаруживает пороки образования, находя их в повальном невежестве самих учителей (с. 102), выступает против пошлости устоявшихся воззрений, например, остро критикуя за аморфность термин «развитие» (с. 112), против догматичности веры, пытаясь провести экспертизу полученных в наследство богословских понятий (с. 78), и старается понять новые общественные потребности. Анализируя термин «социализм», он обнаруживает сам этот образ социального устройства в любом государственном образовании, поскольку, на его взгляд, «невзирая на всякие свободы, повсеместно провозглашаемые, мы стремимся во всем под власть государства» (с. 218), ибо «мы требуем законов... мысль, что вся частная жизнь должна поглощаться в общественной, а вся общественная жизнь должна сосредоточиваться в государстве и быть управляема государством, это главная движущая идея социализма, а как эта мысль в ясном или неясном представлении угнездилась даже в самых крепких умах, то и самый простой заурядный человек бессознательно чем-нибудь приобщается к социалистам» (с. 219).

Едва ли не основным понятием для Победоносцева является понятие жизни, определяемое им как движение. Но это движение – не просто беспорядочное прирожденное побуждение. Жизнь, по Победоносцеву, тождественная мышлению, означает обуживание и понятия, и статуса. «Жизнь – это свободное движение всех сил и стремлений, вложенных в природу человеческую; - цель ее – в ней самой, в этом *движении* заключается, и потому ставить целью жизни – движение одного ума, - одного сердца, - одного страстного влечения – значит суживать жизнь и уродовать ее. Она изуродована ... мыслью о жизни» (с.116 – 117). Разлад между жизнью и мыслью возник, как он отмечает в XVIII в., в эпоху Просвещения. Умная жизнь – это «мертвая схема правды, взятая из книг, мертвый образ природы в виде химической формулы – и дряблая воля, склонная к отрицанию материально не удавшейся жизни...» (с. 118) Но именно так (см. выше) не читавший и пользовавшийся сложившимися химическими формулами Блок охарактеризовал Победоносцева, в то время как тот понимал именно ее как свободу, заключенную в человеческой сущности.

С.С.Неретина

Литература

Гегель Г.В.Ф. Философия истории. М.; Л., 1925.

Ланищиков А. Предотвратить ли дуемою грядущее? // *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.

Отливанчик А.В. Формирование идейного направления журнала «Гражданин» (период редакторства Г.К.Градовского и Ф.М.Достоевского) // *Веснік БДУ*, Сер. 4, № 3, 2009.

Платон. Соч.: В 3-х т. Т.2. М., 1970.

Степанов Ю.С., Некоторые историографические суждения о К.П. Победоносцеве, URL: http://krotov.info/library/18_s/te/panov_01.htm)